

Хамдам Закиров

КАК В КИНО

Мы вышли из дома до сумерек.
Нет, это не как в Азии, где вечер – синоним прохлады.
Это как на севере, где мы и живем, и вечер –
наконец-то сделанные после рабочего дня дела:
домашние дела, плюс почта, новости, сообщения там и сям,
моя возня с коллекцией, твоя пробежка
по текстам песен – в воскресенье отчетный концерт;
планируем как провести субботу, молчим, но
совсем недолго, опасаясь молчанием обидеть
друг друга, дозируя его – ровно настолько,
насколько позволяет ситуация; но более
не в силах ни «просто любить», ни заняться спортом,
мы выходим на вечерний мотцион
после ужина, чтобы пройтись, держась за руки (этого
не сделать на диване, на кухне, за столом).
Есть много прелестей в совместной прогулке:
улица и движение создают определенные границы, –
не отталкивая, нет, можно вполне идти в обнимку, –
но при этом какие-то ограничения даже снимают.
На улице о чем-либо говорится проще,
непонятно почему это кажется неудобным,
а то и неуместным дома. И вот мы идем,
и вечер тускнеет у нас на глазах,
словно ждал нашего появления, чтобы сдать пост,
попрощаться и скоро свернуть за угол впереди,
махнув, не оборачиваясь, рукой...
Но мы еще застали голубое небо и облака!
Они напомнили мне «Слово» Дрейера (1).
В конце,
забравшись на утёс, мы провожали день, смотря
на тихую воду и отраженный закат молча, без слов.
Держась ли за руки при этом – никак не вспомнить.

И не знаю, как закончить
без этой небольшой, но важной детали.
Ладно, просто поставлю точку.

(1) Фильм Карла Теодора Дрейера «Слово» (1955)

ДЕКАБРЬ

Как же мне не хватает тепла!
Многим тут не хватает света, снега, витамина Д,
а мне не хватает тепла.
Словно бы я был Каэм, но еще не с ледяным сердцем.
На улице плюс, но весь день чувствую холод.
Весь день стесненье в груди, холод в груди.
Есть ли тут доктор, кто б подсказал,
может, стоит сходить к врачу?
Никогда не болело сердце, опыта нет.
Одни лишь сердечные раны.
Но они же не в счет.
Что случается в декабре: вот был свет, и вот его уже нет.
Жил, выживая один посреди бессмысленной жизни, –
последние осенние вспышки тепла и света, и радости, – и вот
опять ничего. В декабре сложней находить даже эти
совсем уж простые смыслы – ни света, ни солнца,
ни даже малейшей надежды дожить до весны.
Может, недаром Иисус родился
в это самое мрачное время года –
для кого-то и это источник надежды, энергии.
Но
не для меня, не для меня.
Нет, и дальше надо тянуть, знаю-знаю.
Но вспомнил утром, по дороге в контору,
что лет двадцать назад, как раз, кажется, в декабре
мой сокурсник, с которым учили финский язык,
врач из Тайланда,
разогнался на трассе и на полном ходу
врезался во встречную фуру. Раз, и всё –
или свет, или тьма – и прощай, декабрь.
*Bye bye love, как говорится,
Bye bye sweet caress,
Hello emptiness,
I feel like I could die.*

ОПИСЫВАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

День был хороший, без примет. Читая, думал,
что всё ещё – по старинке –
умудряюсь писать без приставок пост-, мета- и квази-.
Отстаю от века. И дискурса, ну, конечно.
И от прогулки намеченной отстаю –
оборачиваясь на белку, или
наблюдая за замершим зайцем,
косящим в мою сторону, но
не подающим и виду.
Или вот слушаю как камень,
отскочивший от ботинка,
трижды цокаёт по плиткам пешеходной дорожки.
Камень цокаёт, словно под плитками пустота.
Вещность мира простирается лишь до границ видимого,
далее – только гулкие хлопки.
Наверное, правы, считающие, что земля –
лишь плоская плита, канализационный люк,
парящий в пустоте. Ведь ясно:
не камешек тут полый, но – земля. И –
движущиеся оболочки. Белка
бегает по веткам в поисках пустых еловых шишек.
Два воробья поклёывают что-то на дорожке. Как
петушок и курочка из детства,
что весело скакали и клевали,
и были сделаны, как выяснилось позже
(конечно, я их разобрал),
из двух прессованных скорлупок-половинок,
внутри которых не желток, но механизм.
Так интересно открывать в пять лет,
что смысл движения – в пружине!
Впрочем,
описывать действительность нет никакого смысла –
она сама себе опись, полнота и пустота, бессмыслица и смысл.
Описывать действительность –
это как читать ровно то, что написано, не зная,
что в тексте важно вслушиваться в гул,
возникающий при чтении,
возникающий как шелест, как помеха

(что списывается на проблемы с дикцией), как звон,
как вибрация твоих напрягшихся голосовых связок.
Этот едва слышимый фон – и есть пружина.
Описывать действительность –
это как смотреться в зеркало, которое
словно говорит тебе: разбей меня, я хочу умереть.

ПЛАСТИКА

Решил переслушать стопку пластинок,
давно стоявших в углу в ожидании участи.
Часть сразу отправилась в пачку «на вынос».
Но вот слушаю третий подряд макси-сингл с minimal techno,
переворачиваю, ставлю по новой.
Вдруг и тело решило вписаться в небыстрый,
качающий ритм – и вот я уже приплясываю,
выделываю руками и торсом движения,
о возможности которых давно позабыл.
Выглядит, верно, смешно. Но
я ведь закрыл глаза, и представляю себе
вовсе не комнату и свое тело
в тщетном поиске утраченной пластики.

Дочь, заметив кривлянья отца
(это, как если бы стробоскоп выхватывал на танцполе
красивые, элегантные, эротичные позы,
ну а вот всё остальное, что между этими позами, но не они –
был бы мой танец), в общем
дочь прыснула и юркнула в свою комнату.

В это самое время (я только что слушал новости)
мир тревожно гадает – будет война или нет.
Ритм стучит в моем сердце – тумц-тумц-тумц,
но, словно желая добавить нервозности, драматизма
этому по-летнему легкому биту,
звучит в голове: мы еще живы, мы еще живы, мы
всё еще живы... Эдакий
грув бытия: суховатый, но фанковый.

Сменим пластинку. Пожалуй,
надо поставить что-нибудь повеселее.
Чтобы прыгать, махать руками, мотать головой.
Чтобы вытрясти из себя все эти мысли, весь этот мир.
Чтобы выпростать голову, опустошить сердце.
Нужно, чтоб сердце было свободным.
А-то же ведь вот: уже казалось почти,

но в груди словно не достает воздуха,
совсем чуть-чуть места, чтоб полноценно влюбиться.
А зачем тебе, без любви, этот мир,
и – тем более – эта война?!

8.02.2022

РАДУГА

Порою утро у нас в Финляндии
бывает таким же, как и закат:
красное небо, обагренные облака.
Единственное – утром
кровь сочится с востока.
Что поделать, такой уж у нас сосед.
Кровавый сосед у Финляндии, Украины,
Эстонии, Латвии и Литвы –
сосед на востоке.
Но ладно, я спешу на работу
в центр приема беженцев,
и слушаю "Країна Мрій" на старом CD,
купленном еще в прошлом веке
в украинском Крыму, в Коктебеле.
А на сером, забранном тучами небе
поднимается радуга –
потрясающая, удивительная радуга,
объяснить которую невозможно
этим сумрачным утром.
И не думайте, что это я сочинил
для эффектной концовки.
Нет, даже фотографию успел сделать.

5.10.2022

Хамдам Закиров – узбекский поэт и публицист, пишущий на русском языке.

Родился в Узбекистане в 1966 году.

Работал драматургом, литературоведом, журналистом. Его стихи переведены более чем на десять языков.

Книги на финском («Вдали от моря», ntamo, 2016), эстонском, итальянском, русском. Последняя – «Дословно» – опубликована в Москве в 2018 году.

Переехал в Финляндию в 2001 году и в настоящее время живет в Хельсинки. В 2014 году Хамдам начал проект «Helsingin Art & Plow Festivaali», где пытается совместить искусство (поэзию, театр и т. д.), музыку и еду («плов» в названии проекта!).

В 2016 году Закиров начал карьеру диджея. Помимо прочего, он делает собственные миксы и подкасты. В 2017–2018 годах вел музыкальную программу на хельсинкском радио.

Кроме этого, Закиров регулярно публиковал статьи, участвовал в различных панельных дискуссиях, семинарах и литературных мероприятиях, в том числе в сотрудничестве со следующими организациями: Cultura-säätiö, Sivuvalo, Suomen PEN, Maailma kylässä, Университеты Ювяскюля и Тампере, Международная писательская конференция Лахти, книжные ярмарки в Хельсинки и Турку и др.